

Alexander Graf (Hrsg.)

Poetik des Alltags

Russische Literatur im 18.–21. Jahrhundert

Поэтика быта

Русская литература XVIII–XXI вв.

Alexander Graf

**Poetik des Alltags. Russische Literatur im 18.–21.
Jahrhundert – Поэтика быта. Русская литература
XVIII–XXI вв.**

Herbert Utz Verlag · München 2014

Sprach- und Literaturwissenschaften
Band 49

EBook-Ausgabe:

ISBN 978-3-8316-7062-8 Version: 1 vom 28.08.2014

Copyright© Herbert Utz Verlag 2014

Alternative Ausgabe: Softcover

ISBN 978-3-8316-4386-8

Copyright© Herbert Utz Verlag 2014

Alexander Graf (Hrsg.)

Poetik des Alltags

Russische Literatur im 18.–21. Jahrhundert

Поэтика быта

Русская литература XVIII–XXI вв.

Herbert Utz Verlag · München

Sprach- und Literaturwissenschaften

Band 49

Umschlagabbildung: »Sopernicy« (»Rivalinnen«) von N. A. Kasatkin 1890.
(Quelle: Gusudarstvennaja Tret'jakovskaja Galereja. Katalog sobranija. Živopis' konca XIX – načala XX vekov. Serija Živopis' XVIII – XX vekov, tom 5, Moskau: Skanrus 2005, S. 155)

Bibliografische Information der Deutschen Nationalbibliothek: Die Deutsche Nationalbibliothek verzeichnet diese Publikation in der Deutschen Nationalbibliografie; detaillierte bibliografische Daten sind im Internet über <http://dnb.d-nb.de> abrufbar.

Dieses Werk ist urheberrechtlich geschützt. Die dadurch begründeten Rechte, insbesondere die der Übersetzung, des Nachdrucks, der Entnahme von Abbildungen, der Wiedergabe auf fotomechanischem oder ähnlichem Wege und der Speicherung in Datenverarbeitungsanlagen bleiben – auch bei nur auszugsweiser Verwendung – vorbehalten.

Copyright © Herbert Utz Verlag GmbH · 2014

ISBN 978-3-8316-4386-8

Printed in EC
Herbert Utz Verlag GmbH, München
089-277791-00 · www.utzverlag.de

Vorwort des Herausgebers

Der vorliegende Band enthält Beiträge der gleichnamigen internationalen Fachtagung, die im September 2012 in Gießen abgehalten wurde und an der Literatur- und Kulturwissenschaftler aus Deutschland, Polen, Russland, Weißrussland, der Ukraine, Lettland, Kasachstan und Ungarn teilnahmen. Veranstaltet wurde die Konferenz vom Institut für Slavistik der Justus-Liebig-Universität Gießen unter Mitwirkung des Lehrstuhls für russische Literatur und Kultur der Universität Łódź. Es handelte sich um die vierte Veranstaltung einer Konferenzreihe, die seit 2006 im Zweijahresrhythmus wechselweise in Gießen und Łódź zu ideengeschichtlichen und kulturästhetischen Fragestellungen in der russischen Literatur abgehalten wird.

Widmete sich die letzte Gießener Tagung 2008 dem Thema der Festkultur (siehe den Band: *Festkultur in der russischen Literatur. 18. bis 21. Jahrhundert – Культура праздника в русской литературе XVIII–XXI вв.*, hrsg. v. Alexander Graf, München: UTZ 2010), so lag diesmal das Augenmerk auf dem natürlichen Gegenpol des Festes und konzentrierte sich auf die mannigfaltigen Formen der Poetik bzw. Poetisierung des Alltags. Dabei erwies sich neuerlich die chronologische Anordnung der Beiträge nach ihrem Gegenstand als zielführend, da so nicht nur die Verschiebung der Alltagssphären von der höfischen Kultur des 18. Jahrhunderts bis hin zu sozialen Randgruppen um die Jahrtausendwende deutlich wird, sondern auch der Spannungsbogen zwischen dem Lebensalltag, seiner Ästhetisierung und seiner künstlerischen (Neu-)Erschaffung in vollem Ausmaß zur Geltung kommt. Es wurde zudem versucht, die redaktionellen Eingriffe in die Beiträge möglichst gering zu halten, um durch die sprachlichen Eigenheiten der einzelnen Autoren gleichzeitig ein Abbild des aktuellen wissenschaftlichen Alltags und einiger seiner Diskurse zur Verfügung zu stellen. Die inhaltliche Verantwortung liegt somit bei den einzelnen Beiträgern.

Dank gilt dem Gießener Zentrum östliches Europa (GiZo) für die gewährte finanzielle Unterstützung und ganz besonders Frau Christine Bily vom Institut für Slavistik, deren unermüdliche Einsatzbereitschaft und organisatorische Meisterschaft die Grundlage für den erfolgreichen und reibungslosen Ablauf der Tagung bildeten.

Gießen, im Mai 2014

Alexander Graf

Содержание

Татьяна Акимова (Саранск) Быт – обыденность – бытие в мемуарах Екатерины II	1
Александр Ивинский (Москва) Екатерина II, Мария Терезия и «Великолепная карусель»	11
Татьяна Автухович (Гродно) Магия повседневной жизни в русской романной и мемуарной прозе последней трети XVIII века	19
Алина Орловска (Люблин) Бытописание как прием комического в русской комической поэме XVIII – начала XIX веков	29
Анна Варда (Лодзь) Описание дворянского быта в избранных произведениях Г. Р. Державина	39
Татьяна Алпатова (Москва) Быт европейских стран в художественной системе «Писем русского путешественника» Н. М. Карамзина: проблемы эстетического освоения бытовой сферы в литературе	51
Нина Орлова (Казань) Сцены бала в русской литературе XIX века	59
Наталия Няголова (Будапешт) Семиотика кабинета в романе «Война и мир» Л. Н. Толстого	69
Сергей Дауговиш (Рига) Идеализация быта в «Записках из Мертвого дома» Ф. М. Достоевского	75
Лариса Ляпина (Санкт-Петербург) «Варка варенья» в русской классической прозе и поэзии XIX века	83

Виктория Трубецкая (Новокузнецк) Быт цыган в песенной лирике русских поэтов XIX–XX вв. и народных песнях	91
Надежда Мельникова (Москва) К вопросу о повседневной жизни «падших созданий» в русской литературе XIX – начала XX в. (особенности костюма, макияжа и прически)	101
Анастасия Ляпина (Москва) Изображение повседневной жизни женщины в романе Карин Михаэлис «Опасный возраст»: реакция критики и читателей в России	111
Нель Бельняк (Зелёна-Гура) Будни и праздники героев Александра Куприна	119
Ольга Крюкова (Москва) Быт и нравы русской провинции в рассказах и очерках В. Я. Кокосова	129
Николай Поселягин (Москва) Социальные проекты и литературная деятельность московских литераторов из народа на рубеже XIX – XX веков	137
Татьяна Щербакова (Москва) Изображение военного быта в сборнике рассказов С. М. Городецкого «Дальние молнии»	149
Вячеслав Крылов (Казань) Литературный быт как предмет анализа в критике серебряного века	159
Любовь Кихней (Москва) Концепция быта как бытия в картине мира и поэтике акмеизма	171
Ирина Ерохина (Тула) Записные книжки Анны Ахматовой: текст повседневности и повседневность текста	181
Татьяна Павлова (Нерюнгри) Конфликт быта и бытия в поэтике поздней Марины Цветаевой	191

Елена Тырышкина (Новосибирск) Истинное бытие как модернистский сценарий И. Э. Бабеля «Ги де Мопассан».....	201
Наталья Блищ (Минск) Стилевой портрет художника сквозь призму бытовой детали. А. Ремизов о русских писателях	209
Мария Кшондзер (Любек) Проблемы быта и бытия в поэзии Бориса Пастернака (на материале цикла «Волны» из книги «Второе рождение»).....	217
Елена Юшкова (Вологда) Быт и бытие московской школы Айседоры Дункан в 1920-х годах	223
Мария Воробьева (Екатеринбург) Коммунальные квартиры в зеркале литературы советского периода российской истории	235
Элеонора Малыхина / Мария Михайлова (Москва) Быт русской эмиграции первой волны в изображении Нины Берберовой (цикл «Рассказы не о любви»).....	245
Анна Нижник (Москва) Предметно-бытовая деталь XVIII века. Традиция Андрея Белого в интерпретации В. Набокова	253
Людмила Сафронова (Алматы) Поэтика слухов и сплетен в прозе Сергея Довлатова	261
Людмила Ромашенко (Черкассы) Польский мир К. Паустовского (детали польского быта в повести «Далекие годы»)	273
Александра Урбан-Подольян (Зелёна-Гура) Поминально-погребальные обряды в прозе Валентина Распутина (в свете православной традиции).....	283
Кира Гордович (Санкт-Петербург) Неразрывность быта и бытия в произведениях Ю. Трифонова	293
Михаил Павловец (Москва) Советский быт в поэзии Льва Лосева	299

Александр Житенев (Воронеж)

Быт как предмет осмысления в «неофициальной» культуре

Ленинграда 1970 – 1980-х гг. 307

Вячеслав Поздеев (Киров)

Быт или не быт: бытовая концептосфера в поэзии Д. А. Пригова 315

Марион Рутц (Трир)

Пушкин и Державин как источники положительного образа

семейного быта в поэзии Тимура Кибирова 323

Татьяна Алешка (Минск)

Быт и бытие в поэзии Андрея Родионова 335

Агнешка Голембиовска-Сухорска (Быдгощ)

Магия и быт. Русская заговорная традиция в современном мире 343

Татьяна Прохорова (Казань)

Функции бытовых реалий в пьесах Д. Липскерова 351

Вера Шамина (Казань)

Бытовая символика в пьесе П. Пряжко «Трусы»..... 359

Елена Шевченко (Казань)

Будни «российского Детройта»

в драматургии тольяттинских авторов 365

Сведения об авторах 373

Inhaltsverzeichnis

Tat'jana Akimova (Saransk) Alltag, Alltäglichkeit und wahres Sein in den Memoiren Katharinas II.	1
Aleksandr Ivinskij (Moskau) Katharina II., Maria Theresia und das „prunkvolle Karussell“.....	11
Tat'jana Avtuchovič (Grodno) Die Magie des Alltagslebens in der russischen Roman- und Memoirenprosa im letzten Drittel des 18. Jahrhunderts	19
Alina Orłowska (Lublin) Alltagsbeschreibung als komisches Verfahren im russischen komischen Poem des 18. und beginnenden 19. Jahrhunderts	29
Anna Warda (Łódź) Die Beschreibung des adligen Alltags in ausgewählten Werken G. R. Deržavins	39
Tat'jana Alpatova (Moskau) Der Alltag europäischer Länder im künstlerischen System der „Briefe eines russischen Reisenden“ N. M. Karamzins: Probleme einer ästhetischen Aneignung der Alltagssphäre in der Literatur...	51
Nina Orlova (Kazan') Ballsszenen in der russischen Literatur des 19. Jahrhunderts	59
Natalia Njagolova (Budapest) Die Semiotik des Arbeitszimmers in L. N. Tolstojs Roman »Krieg und Frieden«	69
Sergejs Daugovišs (Riga) Die Idealisierung des Alltags in F. M. Dostoevskijs „Aufzeichnungen aus einem Totenhaus“.....	75
Larisa Ljapina (Sankt-Petersburg) Das Kochen von Konfitüre in der klassischen russischen Prosa und Lyrik des 19. Jahrhunderts	83

Viktorija Trubicyna (Novokuzneck) Der Zigeuneralltag in der Liederdichtung russischer Lyriker des 19. bis 20. Jahrhunderts und in Volksliedern	91
Nadežda Mel'nikova (Moskau) Zur Frage des Alltagslebens „gefallener Geschöpfe“ in der russischen Literatur des 19. und beginnenden 20. Jahrhunderts (Besonderheiten von Kleidung, Make-up und Frisur)	101
Anastasija Ljapina (Moskau) Die Darstellung des Alltags der Frau in Karin Michaelis' Roman „Ein gefährliches Alter“. Die Reaktion von Kritik und Leserschaft in Russland	111
Nel Bielniak (Zielona Góra) Alltag und Feste der Helden Aleksandr Kuprins	119
Ol'ga Krjukova (Moskau) Sitten und Bräuche der russischen Provinz in den Erzählungen und Skizzen von V. Ja. Kokosov	129
Nikolaj Poseljagin (Moskau) Die sozialen Vorhaben und die literarische Tätigkeit der Moskauer Volksschriftsteller an der Schwelle vom 19. zum 20. Jahrhundert	137
Tat'jana Ščerbakova (Moskau) Die Darstellung des Kriegsalltags in der Erzählsammlung „Ferne Blitze“ von S. M. Gorodeckij	149
Vjačeslav Krylov (Kazan') Der literarische Alltag als Analysegegenstand in der Literaturkritik des „silbernen Zeitalters“	159
Ljubov' Kichnej (Moskau) Die Konzeption des Alltags als Sein im Weltbild und in der Poetik des Akmeismus	171
Irina Erochina (Tula) Die Notizbücher Anna Achmatovas: Text der Alltäglichkeit und Alltäglichkeit des Textes	181
Tat'jana Pavlova (Nerjungri) Der Konflikt von Alltag und Sein in der Poetik der späten M. Cvetaeva	191

Elena Tyryškina (Novosibirsk) Das wahre Sein als modernistisches Szenarium von I. Ė. Babels „Guy de Maupassant“	201
Natal'ja Blišč (Minsk) Das Stilporträt des Künstlers durch das Prisma des Alltagsdetails. A. Remizov über russische Schriftsteller	209
Marija Kšondzer (Lübeck) Das Problem von Alltag und Sein in der Lyrik Boris Pasternaks (am Beispiel des Zyklus „Wellen“ aus dem Buch „Die zweite Geburt“).....	217
Elena Juškova (Vologda) Alltag und Sein der Moskauer Schule Isadora Duncans in den 1920er Jahren...	223
Marija Vorob'eva (Ekaterinburg) Kommunalwohnungen im Spiegel der Literatur der sowjetischen Periode der russischen Geschichte	235
Ėleonora Malychina / Marija Michajlova (Moskau) Der Alltag der ersten russischen Emigrationswelle in der Darstellung Nina Berberovas (Der Zyklus „Erzählungen nicht über die Liebe“)	245
Anna Nižnik (Moskau) Alltagsgegenständliche Details des 18. Jahrhunderts. Die Tradition Andrej Belyjs in der Interpretation V. Nabokovs	253
Ljudmila Safronova (Almaty) Die Poetik von Gerüchten und Gerede in der Prosa Sergej Dovlatovs	261
Ljudmila Romaščenko (Čerkasi) Die polnische Welt K. Paustovskijs (Details des polnischen Alltags in der povest' „Ferne Jahre“).....	273
Aleksandra Urban-Podolan (Zielona Góra) Gedenk- und Begräbniszeremonien in der Prosa Valentin Rasputins (im Lichte der orthodoxen Tradition)	283
Kira Gordovič (Sankt-Petersburg) Die Untrennbarkeit von Alltag und Sein in den Werken Ju. Trifonovs	293
Michail Pavlovec (Moskau) Der sowjetische Alltag in der Lyrik Lev Losevs.....	299

Aleksandr Žitenev (Voronež)	
Alltag als Betrachtungsgegenstand in der „inoffiziellen“ Kultur Leningrads der 1970er–1980er Jahre	307
Vjačeslav Pozdeev (Kirov)	
Alltag oder nicht: Die Konzeptosphäre des Alltags in der Dichtung D. A. Prigovs	315
Marion Rutz (Trier)	
Puškin und Deržavin als Quellen des positiven Bildes von familiärem Alltag in der Lyrik Timur Kibirovs	323
Tat'jana Aleška (Minsk)	
Alltag und Sein in der Lyrik Andrej Rodionovs	335
Agnieszka Gołębiowska-Suchorska (Bydgoszcz)	
Magie und Alltag. Russische Zauberspruchtradition in der modernen Welt ...	343
Tat'jana Prochorova (Kazan')	
Die Funktionen von Alltagsrealien in den Stücken D. Lipskerovs	351
Vera Šamina (Kazan')	
Die Alltagssymbolik in P. Prjažkos Stück „Das Unterhöschen“	359
Elena Ševčenko (Kazan')	
Der Alltag des „russischen Detroit“ in den Dramen der Autoren aus Tol'jatti	365
Über die Autoren	373

Татьяна Акимова (Саранск)

Быт – обыденность – бытие в мемуарах Екатерины II

Мемуары Екатерины II – это большое рукописное наследие императрицы, представленное в нескольких списках и множествах редакций¹, и до сих пор остающееся самым сложным «текстом» венценосной писательницы. Не претендуя на разрешение текстологических задач этого значительного памятника литературы XVIII века, попытаемся взглянуть на него с точки зрения идеологической авторской направленности, затрагивающей не только просветительскую составляющую «Автобиографических записок»² Екатерины II, но и подразумевающей конкретную практическую цель – разработку модели поведения подданного русского двора.

Постановка императрицей данной цели естественно вытекает из традиции придворной историографии, которая, безусловно, прослеживается в мемуарах монарха-писательницы³, однако восприятие данного произведения осложняется соединением историографической авторской установки с автобиографической⁴ традицией, также актуализированной Екатериной в мемуарах.

В результате «Автобиографические записки» приобретали двойственный ракурс изображения. С одной стороны, автор описывал свою

1 Исследованию редакций мемуаров Екатерины II посвящены работы: М. А. Крюкова: Мемуары Екатерины II и их время, М.: Калужская типография стандартов, 2009; О. А. Иванов: Судьба «династических документов», вып. 2: К истории публикации и перевода «Записок Екатерины II», М.: МГГУ, 2007.

2 Именно под таким названием А. Н. Пыпин помещает мемуары Екатерины II в 12-томное собрание ее сочинений: Сочинения императрицы Екатерины II на основании подлинных рукописей с объяснительными примечаниями академика А. Н. Пыпина, т. 12: Автобиографические записки, СПб.: Тип. Императорской АН, 1907.

3 «Подвляющее большинство книг этого рода написано лицами, близкими ко двору. Наиболее характерные из них – «Записки» Екатерины II <...>. Все записки подобного рода (условно их можно было бы назвать «дворцовой» мемуаристикой) пишутся для истории, а история, по мнению авторов этих мемуаров, делается во дворце» – Г. Г. Елизаветина: Становление жанров автобиографии и мемуаров // Русский и западноевропейский классицизм. Проза, М.: Наука, 1982, с. 261.

4 «В форме автобиографии написаны воспоминания Е. Р. Дашковой, Екатерины II, Н. Б. Долгоруковой, Г. Р. Державина, Я. П. Шаховского, И. В. Лопухина, И. П. Кулибина, И. П. Елагина и др.» – в кн.: А. Е. Чекунова: Русское мемуарное наследие второй половины XVII-XVIII вв. Опыт источниковедческого анализа, М.: Российское университетское издательство, 1995, с. 44.

частную жизнь, которая, после публикации мемуаров Фридриха II⁵, становилась предметом чтения аристократического круга и символизировала открытость просвещенного монарха перед образованным обществом. С другой стороны, мемуарист критически изучал жизнь елизаветинского двора и выносил свою оценку поступкам придворных, раскрывая как «норму», образец для подражания, так и аномалию в их поведении.

Поскольку в качестве образца выступало поведение самой Екатерины, то повествование разрасталось до космических масштабов с вертикальной мифологической осью, соответствующей бытийному статусу монарха. Однако автор сосредоточивается на бытовой – срединной – стороне своего мира, чтобы показать возможности перемещения героини в ту или иную сторону: в «крошечный» низ или ценностный верх. Таким образом, онтологические категории становились объектом гносеологического подхода, изображаемая жизнь оказывалась фокусом формирования самосознания.

В индивидуальном сознании начальным этапом любого быта является приспособление к нему. На этом и строит свое бытописание Екатерина, изображая процесс вхождения в российский быт через изучение его традиций и обычаев. Она подчеркивает трудолюбие героини в обучении русскому языку: «Желая поскорее выучиться русскому языку, я вставала по ночам, в то время как все кругом спало, я, сидя на постели, вытерживала наизусть тетради, которые мне давал Ададуров»⁶; указывает на ее интерес к разговорной речи и старинным преданиям, звучащим, например, из уст Владиславовой, которая «была общительна, любила говорить, говорила и рассказывала умно, знала все анекдоты прошедшего и настоящего времени»⁷. При этом изучение русского быта Великой княгиней противопоставляется отношению к нему ее мужа: «Надо заметить, что баня и все русские обычаи и местные нравы были не только неприятны Великому князю, но он их просто ненавидел»⁸.

Однако царящие при дворе Елизаветы Петровны нравы требовали от Великой княгини освоения европейской моды – умения нравиться как необходимого эталона галантных отношений, прививаемого российскому двору:

Вот рассуждение или, вернее, заключение, которое я сделала, как только увидела, что твердо основалась в России, и которое я никогда не теряла из виду ни на

5 Оставшиеся творения Фридриха Второго, Короля Прусского. История моего времени, СПб. 1789, т.1, ч. 1.

6 Россия XVIII столетия в изданиях Вольной русской типографии А. И. Герцена и Н. П. Огарева. Записки императрицы Екатерины II. Репринтное воспроизведение, М.: Наука, 1990, с. 8.

7 Там же, с. 70.

8 Там же, с. 93.

минуту: 1) нравится великому князю, 2) нравится императрице, 3) нравится народу.⁹

Автор сосредоточивает внимание на этапах освоения героиней этой галантной модели поведения, с выделением ее составляющих, которая и становится для Екатерины способом не только принятия русского быта, но и задачей преобразования его.

Первой составляющей галантности является разумность, позволяющая поступать подданному в соответствии с его положением и отводимым ему местом. Именно с этого Екатерина начинает описывать свою жизнь при дворе и именно этим она выигрышно отличается от своей матери, не сумевшей разобраться в сложных играх елизаветинских вельмож и не понявшей характер российской императрицы. В этом Иоганна Елизавета оказывается подобна Великому князю Петру Федоровичу, о чем мемуарист сообщает в эпизоде со шкатулкой: «Матушка говорила, что он нарочно уронил ее шкатулку; он отвечал, что она говорит неправду, и оба они ссылались на меня и требовали моего подтверждения...; брань дошла до того, что оставалось только драться.»¹⁰

Противостояние Иоганны Елизаветы и Петра на самом деле только увеличивало дистанцию между ними и Екатериной, вынужденной дипломатично выходить из положения: «мне стоило больших трудов успокаивать их, в чем я не всегда успевала»¹¹.

Автор «Записок» наводит на мысль, что разумное поведение всегда вознаграждается свыше, и рисует многочисленные болезни и опасности, подстерегающие героиню на пути к трону. Однако обращение к разуму и личному опыту приводило ее к занятиям физическими упражнениями, с помощью которых она преодолевала различные недуги и которые она обязательно встраивала в свой распорядок дня:

Я вставала в шесть часов утра, одевалась по-мужски и шла в сад свой; там у меня было устроено особое место на чистом воздухе, служившее мне манежем. Успехи мои были так быстры, что часто Циммерман подбегал ко мне с середины манежа и в каком-то невольном восторге со слезами на глазах, целовал меня в сапог. Однажды он воскликнул: «Во всю жизнь у меня не было ученика, которым бы я мог гордиться, и который бы делал такие успехи в такое короткое время!»¹²

Подобная правильная организация своих сил, возможностей и талантов способствовала осмысленности своего мира, к его гармонизации и эстетизации, к переходу от принуждения к наслаждению. Например, описывая эпизод о жизни в Ораниенбауме, когда приходилось «до

9 Записки императрицы Екатерины Второй, М.: Орбита, 1989. Репринтное воспроизведение: СПб.: Изд-ие Суворина, 1907, с. 58.

10 Россия XVIII столетия в изданиях..., указ. соч., с. 13.

11 Там же, с. 15.

12 Там же, с. 183.

тринадцати раз в день садиться на лошадь»¹³, Екатерина останавливается на собственном изобретении седла, свидетельствующем о достижении удовольствия, достигаемого средствами разума:

В это время я изобрела себе седло, на котором могла ездить, как хотела. Оно было с английскою лукою, так что можно было перекинуть ногу и сесть по-мужски. Его можно было раздвигать, и по произволу, как вздумается, опускать или подымать другое стремя.¹⁴

Однако галантный разум вырастает из знания человеческого сердца. Овладевший этим знанием способен располагать к себе окружающих, превращать врагов в друзей, быть умелым царедворцем и политиком. В целом знание человеческого сердца основано на правиле, требующем принимать людей такими, какими они есть, и позволять жить так, как им хочется. Многочисленные победы Екатерины на этом поприще – безусловно, гордость и радость автора мемуаров.

Так, она описывает, как злые по своему характеру люди по истечению времени принимали сторону Великой княгини и начинали оказывать ей дружеское содействие. Если расположение к себе молодых людей из окружения мужа не оценивается автором мемуаров большим триумфом героини, то помощь Чоглоковой, столь недружелюбной по отношению к жене Петра Федоровича, оказанная в период ее недомогания, воспринимается как несомненный успех Екатерины в любезном отношении к окружающим, возведенное в правило: «Я никогда не капризничала, не дулась на них, но всегда ценила малейшую предупредительность, которую мне они оказывали»¹⁵.

Однако галантная модель поведения подданного не может считаться законченной без самого изысканного умения царедворца – умения вести беседу. Это то, чего не хватает елизаветинскому двору, о чем неоднократно сетует героиня мемуаров, вспоминая как длительные поездки двора по российским территориям, так и каждодневное времяпрепровождение придворных. Например, предложение Елизаветы, переданное жене Великого князя через Брюмера, посещать царскую уборную, где государыню готовили к выходу или, наоборот, разбирали после него, было воспринято героинею как пустое времяпрепровождение: «Сказать правду я ничего не понимала в этом царедворческом постоянстве <...> я не видела никакой нужды торчать в Императрициной уборной, и сверх того, быть в тягость ей»¹⁶.

Безусловно, в этом авторском взгляде на быт не последнюю роль играли готовые сюжетные схемы, на которые Екатерина опиралась,

13 Там же, с. 104.

14 Там же.

15 Там же, с. 79-80.

16 Там же, с. 42.

обращаясь к французской мемуарной традиции¹⁷, заданной писателями Ренессанса – Маргаритой Наваррской и Брантом¹⁸. Включая в свое повествование исторические анекдоты, они оживляли стихию разговорной речи, продолжающуюся в мемуарах писателей последующего времени, когда салон становился частью быта французской аристократии.

Эта ренессансная традиция, пусть и унаследованная монарх-писателем через книжную культуру, оказывала влияние на полярное расположение изображаемых персонажей. Поэтому конструируемая Екатериной II в мемуарах «норма» поведения героини противопоставляется аномальности быта Великого князя, не поднимающегося над обыденностью своего существования.

Обыденность мемуарист понимает как однообразие и скуку. Вместо интеллектуальной беседы Петр занимается игрой в солдатики, а чтению предпочитает масленичные забавы:

На масленице при дворе не было в этот год никаких увеселений, и потому Великому князю вздумалось завести маскарад у меня в комнате. Он наряжал своих и моих лакеев и моих служанок и заставлял их плясать в моей спальне, а сам играл на скрипке и поплясывал, что продолжалось до поздней ночи.¹⁹

Конечно, не сам по себе праздник определяет обыденность жизни Великого князя, а замкнутость и подражательность его мира, возникающие из приспособляемости к быту как стремлению защититься от него, с последующим умалением и сокрытием себя. Отсюда возникает тот кукольный мир, который видится мемуаристом лживым и искусственным:

В это время, и долго после, главною городскою забавою В. Князя было чрезвычайное множество маленьких куколок или солдатиков, деревянных, свинцовых, восковых и из труту. Он расставлял их на узеньких столах, которыми загромождал целую комнату, так что между столами едва можно было пройти. Вдоль

17 Как известно, на мемуарный жанр «заметное воздействие оказали жанровые традиции различных смеховых модификаций, входящие в мемуары как самодостаточные первичные элементы (анекдот, памфлет, ироническая поэма, вставные юмористические рассказы и т.д.)». – См.: С. Ю. Антонова: Поэтика комического русской провинциальной мемуарно-автобиографической прозы второй половины XVIII в. Автореферат ... к.ф.н., Брянск: Изд-во Брянского гос. ун-та, 2005, с. 20.

18 «Рассказчики конца Ренессанса <...> охотно включали в свои мемуары, бытовые очерки, философские труды и даже квазинаучные трактаты в богатый новеллистический материал, заимствуя его у более ранних повествователей, и одновременно использовали в рассказах фабульные и стилистические приемы новеллы. В их книгах сюжеты известных новелл, естественно, сжимались, вновь обретая черты исторического анекдота. В этом же «историко-анекдотическом» ключе они повествовали о том, чему были свидетелями сами или о чем слышали от знакомых, родственников, случайных собеседников». – А. Д. Михайлов: Брантом – автор «Галантных дам» // А. Д. Михайлов: От Франсуа Вийона до Марселя Пруста, указ. соч., т. 1, с. 257.

19 Россия XVIII столетия в изданиях..., указ. соч., с. 60.

столов прибиты были узкие медные решетки, а к ним привязаны шнуры, и если дернуть за шнурок, то медная решетка издавала звук, который, по его мнению, походил на беглый ружейный огонь. Он с чрезвычайной точностью, в каждый придворный праздник, заставлял войска свои стрелять ружейным огнем.²⁰

В основании кукольного мира лежит повторяемость и разрыв с практическим опытом. В реальном мире, по уверению автора мемуаров, Петра Федоровича не воспринимают в качестве будущего монарха, не подчиняются его приказам, как калмыки, которые «не слушались В. князя и не хотели служить ему»²¹. Неоднократно Екатерина подчеркивает «лакейскую» суть забав Петра, явно указывая на их «низовое» происхождение:

Граф Брюмер и другой главный воспитатель бывали при нем только на публичке, составляя его свиту. Все остальное время он проводил исключительно в обществе лакеев, и предавался ребячеству, удивительному для его возраста, именно играл в куклы²²; любезный супруг мой решительно не занимался мною, но все время проводил со своими лакеями, играя в солдаты, эзерсируя их в своей комнате или переменяя мундиры по двадцати раз в день.²³

Этот «низовой мир» включает в себя насилие, муштру и пьянство, волокитство за уродливыми женщинами и неумение вести себя в свете. В своем желании спрятаться и укрыться, сделаться маленьким и незаметным, Петр не может проявить личностную инициативу, не выделяет свое «Я», он находит себе кумира в образе Фридриха II и останавливается на подражании ему.

В деревне Великий Князь устроил себе собачник, и начал сам дрессировать собак. Когда надоедало ему их мучить, он принимался за скрипку. Он не знал ни одной ноты, но имел сильное ухо и полагал главное достоинство игры в том, чтобы сильнее водить смычком и чтобы звуки были как можно громче.²⁴

Подражательность и повторение ведут к скуке и однообразию. Автор «Записок» вспоминает о поездке в Ревель, куда отправилась императрица со своей свитой и молодым двором, как о невероятно скучном и неудобном для всех придворных предприятии – но, как замечается в мемуарах, – «ведь от Ее Величества зависело брать людей менее злых и более здравомыслящих»²⁵.

Здравомыслие внушает Екатерине противопоставить муштре и дрессировке собак Петра распорядок дня героини, основанный на гармоничном равновесии между желаниями и необходимостью, а из него выводится правило поведения при дворе: «Я старалась снискать расположение

20 Там же, с. 175.

21 Там же, с. 139.

22 Там же, с. 31.

23 Там же, с. 33.

24 Там же, с. 58.

25 Записки императрицы Екатерины Второй..., указ. соч., с. 90.

всех, вообще больших и малых. Никто не был забыт мною, и я поставила себе правилом думать, что я нуждаюсь во всех, и всячески приобретать общую любовь, в чем я и преуспела».²⁶

Оно противопоставляется поведению Великого князя, который «не любил никого из своих придворных, потому что они его тяготили»²⁷. Его однообразные и повторяющиеся занятия, не раскрывающие личностное творческое начало, приводят к деградации, поскольку обыденность устанавливается в замкнутом мире, лишенном интеллектуальной игры и сердечной дружбы, столь важных составляющих галантной модели поведения. «Я и Великий князь могли быть свободны только друг с другом; это было своего рода заточение, которого ни я, ни он не заслуживали»²⁸, – пишет Екатерина в «Автобиографических записках».

Обыденность возникает там, где не реализуется творческое начало, где воцаряется пустота и одиночество, где невозможно развитие личности, а царство разума подменяется слухам, сплетнями, предрассудками. Творчество и свобода предполагают преобразование личности, возведение ее на пьедестал, стирание границ между условностями и прославление личных желаний и устремлений.

В неразумном замкнутом мире обыденности нет условий для перемещения героев, отсутствует модальность превращения, преобразования, совершенствования. О бесполезности запретов со стороны императрицы Елизаветы Екатерина заметит: «можно видеть, какую цену имеют подобные запрещения; нельзя добиться, чтоб они соблюдались во всей точности, потому что всегда найдутся люди, готовые нарушить их»²⁹.

Запреты порождают замкнутый мир, который в проекции на семью наполнен изменами и обманом, как это случилось Чоглоковой, присматривающей за молодой четой, но не заметившей появления любовницы у своего мужа. Автор подает финал этой истории парадоксально, усиливая аномальность подобных супружеских отношений: «Ради детей они примирились, но прежнего супружеского согласия уже не было. Они продолжали жить вместе, но уже не по любви, а из выгоды»³⁰. Поэтому реализуемая Елизаветой модель воспитания двора через обвинения, укоры, назидания осуждается мемуаристом и высмеивается по законам ренессансной мемуаристики с использованием анекдотических средств создания литературного портрета.

Елизаветинская модель представляет собой упрощенное понимание галантности как науки флирта и кратковременного ухаживания. В ней отсутствует рефлексия и уважительное отношение. Таким образом,

26 Россия XVIII столетия в изданиях..., указ. соч., с. 31.

27 Там же, с. 3.

28 Там же, с. 59.

29 Там же, с. 61.

30 Там же, с. 68.

обыденность для мемуариста – все, что не соответствует аристократической свободе, ущемляет личностные устремления к счастью и не соответствует атмосфере праздника, основе ренессансного мироощущения.

Именно ренессансное мироощущение определяет проецируемое бытие Екатерины II, в котором люди соответствуют античным Богам в своих жизненных проявлениях, преодолевают болезни и жизненные невзгоды веселым нравом и организацией праздника. Как отмечается в «Автобиографических записках», героиня «всегда показывала веселый вид, была предупредительна, внимательна и вежлива со всеми»³¹.

Мемуарист описывает устройство праздника по случаю победы русских войск в Ораниенбауме, после которого и Великий князь, «и все общество, по-видимому, были веселы и остались довольны моим обедом»³².

Останавливается Екатерина и на аукционе, на котором «не было ни одной вещи, которая б стоила более ста рублей. Но эти вещи были получены от меня, и потому все говорили друг другу: это получено мною от Ее Имп. Высочества В. Княгини»³³.

Ее героиня стремится к гармонии интеллектуального и чувственного начала, к пониманию меры свободы и необходимости, к всевозможному самораскрытию и воспеванию собственного «Я». Поэтому Великая княгиня радуется как своим личностным успехам в самых разных сферах: политике, любви, взаимоотношении с окружением, – так и практическим навыкам, приобретенным в процессе своего вхождения в русский быт, будь то ухаживание за цветами или изготовление медицинского снадобья.

Например, мемуарист описывает, как героиня замазывает помадой из свинцовых белил рубец на щеке Великого князя. Умная и умелая жена предотвращает появление мужа перед публикой для объяснения своего шрама, который образовался из-за неумения цесаревича пользоваться плеткой. Екатерина «так искусно намазала ему щеку, что он сам, глядя в зеркало, не замечал рубца своего»³⁴. Поэтому любая «деталь», связанная с проявлением личностного начала обретает ценность и встраивается в мир прекрасно-праздничного бытия:

Кровать моя стояла почти посередине довольно длинной комнаты; окна были с правой стороны от кровати; незаметная дверь вела в комнату с гардеробом, которая была загромождена ширмами и сундуками, и служила также переднею комнатою. Начиная от постели до этой двери, я велела поставить огромные ширмы, за которыми образовался чудеснейший кабинет, какой можно себе вообразить, взяв во внимание местность и обстоятельства. В этом кабинете у меня стоял диван, были зеркала, передвижные стены и несколько стульев³⁵.

31 Там же, с. 26.

32 Там же, с. 203.

33 Там же, с. 213.

34 Там же, с. 96.

35 Там же, с. 221.

Реорганизация быта, возвышение над ним и образует тот ренессансный образ мира, который составляет екатерининское бытие. Автор изображает процесс перехода праздника из черты аристократического быта во внутреннее состояние личности, в котором смех и веселье оказываются непреложной жизненной основой, а галантное поведение – естественным следствием личностного преображения. Именно такую модель поведения в быту утверждала Екатерина II в «Автобиографических записках».

Alltag, Alltäglichkeit und wahres Sein in den Memoiren Katharinas II.

Der Beitrag untersucht die Beschreibung des Alltags am elisabethanischen Hof in den Memoiren Katharinas II., der sich im Verständnis des gekrönten Hauptes als Teil einer mythologischen Vertikale darstellt, welche die Alltäglichkeit der menschlichen Existenz vom idealen Sein trennt. Der Übergangsprozess vom Alltag zum wahren Sein wird für die Autorin erstrangig bei der Einordnung der Verhaltensnorm des Untertanen. So verweist das Unvermögen zur Persönlichkeitswandlung den Großfürsten in die Welt der Alltäglichkeit und des Primitiven. Das ideale Sein des katharinischen Untertanen äußert sich im Hervortreten seines persönlichen Ichs unter dem Einfluss des erklärenden und befreienden Lachens sowie im Fest als der höchsten Stufe dieser Persönlichkeitswandlung.

Александр Ивинский (Москва)

Екатерина II, Мария Терезия и «Великолепная карусель»

Вопрос об исторических контекстах «Великолепной карусели» – праздника, который состоялся в 1766 г. в Санкт-Петербурге, – до сих пор остается открытым. Не выявлены документальные свидетельства, которые позволили бы утверждать, какое именно торжество послужило образцом для императрицы Екатерины II. Уже в XIX в. общим местом стало соотнесение «Великолепной карусели» с придворными празднествами эпохи Людовика XIV.¹ Эта концепция, которая остается актуальной до сих пор², может быть скорректирована.

В. Ю. Проскурина отметила, что центром «Великолепной карусели» стало появление амазонок – благородных дам «в брони военной на колесницах по древнему обыкновению»³. В. П. Петров в своей оде «На карусель» так описал их появление:

Но кия красоты блистают
С великолепных колесниц,
Которы поле пролетают
Живяй Дианиных стрелиц?
Не храбрыя ль Спартански девы
Презрев ужасны вепрей зевы
Сложились гнати их по мхам?
Природные Российски дщери
В дозволенны вшед чести двери
Пряети тщатся лавр мужам.⁴

Можно высказать предположение, что одним из подтекстов петербургского праздника могла быть т.н. «дамская карусель», которая прошла в Вене 2 января 1743 г. В ней приняли участие дамы из высших аристократических кругов, наряженные как амазонки. В манеже дворца Хофбург были установлены фигуры с глиняными головами, которые

1 М. И. Пыляев: Эпоха рыцарских каруселей и аллегорических маскарадов в России // Исторический вестник, СПб., 1885, т. 22, с. 334.

2 В. Ю. Проскурина: Мифы империи. Литература и власть в эпоху Екатерины II, М.: Новое литературное обозрение, 2006, с. 14.

3 «Описание порядка, которым Карусель происходил в Санктпетербурге при присутствии Ея Императорского Величества 1766 года Июня 16 дня» // Прибавление к № 51 Санктпетбургских ведомостей, во вторник июня 27 дня 1766 года, с. 2. – Причем именно образ амазонки, с точки зрения Проскуриной, является ключевым для екатерининской идеологии 1760-х гг. (В. Ю. Проскурина: Мифы империи..., указ. соч., с. 13).

4 В. П. Петров: На карусель // В. П. Петров: Сочинения, СПб., 1782, ч. 1, с. 6.

наездницы сбивали ударом копья, а восседавшие в колесницах дамы кололи своими шпагами. Первую конную кадрили возглавила сама Мария Терезия верхом на белоснежном коне.⁵ «Карусель» завершилась балом. Так молодая императрица решила отпраздновать победу над Баварией и возвращение Праги.⁶

В 1740–1748 гг. Европу сотрясала война за австрийское наследство. Боевые действия начал недавно вступивший на престол Фридрих II. Король отказался соблюдать условия Прагматической санкции⁷ и ввел свои войска в Силезию. Пруссию поддержали Франция, Бавария и Саксония. Велись даже переговоры о разделе Австрии. Прага была взята 27 ноября 1741 г. В 1742 г. Габсбурги потеряли титул императоров Священной Римской Империи. Его получил баварский курфюрст из рода Виттельсбахов Карл Альбрехт, правивший под именем Карла VII (1742–1745). Видимо, только благодаря финансовой и дипломатической помощи Лондона Вене удалось избежать катастрофы. Был заключен союз с Берлином, и, избавившись, по крайней мере, на время от опаснейшего противника, Австрия смогла очистить свои земли от французских войск. Один из ярчайших успехов Марии Терезии в первую силезскую войну – завоевание Праги.⁸

5 В дворце Шенбрун до сих пор существует «карусельная зала», на стене которой висит огромное полотно, посвященное этому событию.

6 Описание венской карусели см.: *Wienerisches Diarium*, Wien, 1743, № 3 (9. Januar), S. 11–18.

7 Прагматическая санкция была принята в 1713 г. У императора Карла VI не было сыновей, поэтому ему нужно было узаконить передачу власти своей дочери Марии Терезии. Этот документ был подписан Испанией, Россией, Пруссией, Голландией, Великобританией, Данией, Францией. Он должен был гарантировать территориальную целостность Священной Римской Империи.

8 О войне за австрийское наследство см., напр.: Antoine Sabatier de Castres: *Abrégé historique de la vie de Marie-Thérèse, Impératrice-Reine de Hongrie, et de Charles-Emmanuel III, Roi de Sardaigne*, Tiré de la Galerie universelle des Hommes célèbres, etc., Paris: Hasny, 1773, p. 6–19; [Jean Baptiste] Fromageot, Prieur Commandataire, Seigneur de Goudargues, Ussel, etc.: *Annales du Regne de Marie-Thérèse, Impératrice douairière, Reine de Hongrie & de Bohème, Archiduchesse d'Autriche*, Paris, 1775, p. 7–114; Louis Phocion Todière: *L'Autriche sous Marie-Thérèse*, Rouen, 1855, p. 9–112; Albert de Broglie: *Marie-Thérèse, Impératrice, 1744–1746*, vol. 1, 3. éd., Paris, 1890; Всеобщая военная история новых времен. Ч. 3. Войны второй половины XVIII века в Западной Европе. 1740–1791. Войны Фридриха Великого / под ред. Н. С. Голицына, СПб., 1874, с. 62–99; История внешней политики России. XVIII век (от Северной войны до войн России против Наполеона) / под ред. Г. А. Санина, М.: Международные отношения, 1998, с. 86–109; Фр.-Д. Лиштенан: Россия входит в Европу: Императрица Елизавета Петровна и война за Австрийское наследство 1740–1750, М.: ОГИ, 2000; С. Г. Нелипович: Союз двуглавых орлов: русско-австрийские военный альянс второй четверти XVIII в., М.: Квадрига, 2010, с. 274–370; М. А. Петрова: Екатерина II и Иосиф II: формирование российско-австрийского союза, 1780–1790, М.: Наука, 2011, с. 54–61.

Таким образом, для Марии Терезии это был не просто очередной территориальный спор, а война за сохранение и восстановление великой Империи. В России за развитием событий внимательно следили. Об этом свидетельствуют публикации в «Санктпетербургских ведомостях». Читатель мог узнать, например, о том, как императрица получила известие о взятии Праги:

Из Вены от 2 генваря. Известие о сдаче города Праги получено здесь в субботу в полдни. Подтверждение привез молодой князь фон Лопковиц после полудни в начале 4 часа». Это известие вызвало всеобщее ликование, причем как «простого народа», так и дворянства: «При въезде молодого Князя фон Лопковица народ чинил чрезвычайные радостные восклицания. Шляхетство поехало тотчас ко двору, и с великою радостию Королеве учинило поздравления. Потом Ея Величество оному объявила, что следующего дня отправляться имеет торжественный благодарный молебен, и оное бы в богатом платье притом было. В воскресенье в исходе 11 часа Ея Высочество с Эрцгерцогинею Мариною Магдаленою, с Ею Королевским Высочеством великим Герцогом Тосканским и с светлейшим Принцем Карлом поехала в одной карете и в богатом платье в церковь святого Стефана, где уже Кавалеры златого руна, Министры и многие другие обоего пола знатные персоны в богатом платье находились. Во время божией службы, которою отправлял Кардинал и Архиепископ фон Коллони, пять рот Венгерской пехоты из мелкого ружья учинили троекратной беглой огонь, а с города кругом троекратная пушечная пальба. О полудни вся Королевская высокая фамилия публично кушала в Королевском замке <...> при многочисленном собрании шляхетства.⁹

Подробно описывается и торжественный въезд Марии Терезии в Прагу.¹⁰

Имперский пафос Марии Терезии был исключительно близок Екатерине II. Они представляли один тип абсолютного монарха. Свою основную задачу императрицы видели в усилении государственной власти. Для этого и Екатерине, и Марии Терезии пришлось провести масштабные реформы – административные, финансовые, законодательные, военные. И в этом деле для них не было мелочей: они думают, например, не только о расширении внутренней и внешней торговли, но и об улучшении земледелия (здесь находим прямое совпадение: императрицы способствовали широкому распространению картофеля в своих странах). Они заботились о процветании наук и искусств: именно в их царствование было положено начало всеобщему образованию, открывались академии наук и художеств, библиотеки и архивы. И в Австрии, и в России начались работы по выработке общего гражданского свода законов. В 1767 г. в Санкт-Петербурге был издан «Наказ» Екатерины комиссии о составлении

⁹ Санктпетербургские ведомости, СПб., 1743, с. 36.

¹⁰ «Описание бывшего въезду в Прагу Апреля 29 дня Ея Величества Королевы Венгерской» // Санктпетербургские ведомости, СПб., 1743, с. 334–337; «Окончание описания въезда в Прагу Ея Величества Королевы Венгерской» // Санктпетербургские ведомости, СПб., 1743, с. 344–345.

проекта нового уложения, а в 1768 г. в Вене – новый уголовный свод законов, т.н. *Nemesis Theresiana*.¹¹

Обращение к австрийским культурным практикам должно было подчеркнуть идею принципиального «равенства» России и Священной Римской империи.¹² При этом уже в начале своего правления Екатерина выдвинула политическую и культурную программу, которая опиралась на представление об органичности самодержавия русской истории. Основные ее цели – пересмотр европейского мнения о России как об отсталой азиатской стране, «реабилитация» русской истории в контексте культурных ценностей романо-германского мира, утверждение величия русского языка, обличение пороков и исправление нравов посредством произведений образцовых русских авторов.¹³ Свою роль в оформлении этой идеологии сыграла и тема восстановления империи. 28 июня 1762 г. в «Манифесте о восшествии на престол» императрица, в частности, писала:

<...> слава Российская, возведенная на высокую степень своим победоносным оружием, чрез многое свое кровопролитие, заключением нового мира самим ее злодеям отдана уже действительно в совершенное порабощение; а между тем внутренние порядки, составляющие целость всего Нашего Отечества, со всем опровержены.¹⁴

Свержение Петра III оправдывалось его «предательством». Враг у России и Екатерины, между прочим, тот же, что и у Марии Терезии, – Фридрих II. Кроме того, Петр совершил еще одно «преступление»:

Закон Наш Православный Греческий перво всего восчувствовал свое потрясение и истребление своих преданий церковных, так, что Церковь Наша Греческая крайне уже подвержена оставалась последней своей опасности переменою древнего в России Православия и принятием иноверного закона.¹⁵

11 Об этом см., напр.: Н. Кареев: Западноевропейская абсолютная монархия XVI, XVII и XVIII веков. Общая характеристика бюрократического государства и сословного общества «старого порядка», СПб.: тип. М. М. Стасюлевича, 1908.

12 В какой мере Екатерина могла ассоциировать себя с Марией Терезией, – вопрос, которому мы намерены посвятить отдельную работу.

13 Именно поэтому в царствование Екатерины пристальное внимание стали уделять истории: собирали и массированно публиковали летописи, акты и другие источники. Сама императрица пишет большой исторический труд – «Записки касательно российской истории». Много лет она занималась и лингвистикой – «этимологией» и историей русского языка. Екатерина пристально следила за развитием русской литературы и пыталась направлять ее развитие (журналы «Всякая Всячина» и «Собеседник любителей российского слова», драматургические опыты). Об этом см.: А. Д. Ивинский: Литературная политика Екатерины II: «Собеседник любителей российского слова», М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012.

14 Полное собрание законов Российской Империи, СПб., 1830, т. 16, с. 5.

15 Там же.

Екатерина претендует на возрождение страны, на сохранение созданной «отцом» – Петром Великим – империи.¹⁶

Именно в этом контексте необходимо рассматривать как «Великолепную карусель» в целом, так и амазонскую тему в частности. Последняя использовалась для доказательства древности российской цивилизации. Об этом рассуждали такие, казалось бы, разные люди, как В. Н. Татищев, В. К. Тредиаковский и М. В. Ломоносов. С их точки зрения, «амазоны» – это «славенское» племя:

Об амазонах все, что ни есть у древних сказывателей, многими баснями наполнено <...> но думаю, что они из Каппадокии к Дону берегом, а оттуда к Волге перешли, как в гл. 36 показано, и Плиний их у Каспийского моря положил, гл. 14, н. 64. Но Геродот здесь довольно о языке их изъяснил, что не были ни скифы, ни сарматы, то не иначе как славяне, ибо других, кроме сих трех языков, в сей стране не было, как в гл. 9 и 33 показано.¹⁷

Татищеву вторит Ломоносов:

Амазоны, по преданию Геродотову, от сармат происхождение имели и говорили языком сарматским; скифскому от будинов не чисто научились. Плиний о сарматах гинекократуменах, то есть женами обладаемых, упоминает, супружество с амазонами имеющих; также и о сарматских амазонах. Посему они были славенского племени.¹⁸

Показательно уже название главы, в которой содержатся эти рассуждения ученого: «О дальней древности Славенского народа».

Тредиаковский написал целый трактат, в котором обосновывал идею древности славян. Он пытался доказать, что от скифов и амазонок произошли сарматы и, в конечном счете, современные русские. Один из главных его аргументов – «этимологический»:

Геродот повествует, что Сарматы произошли от Скифов и Амазонок. Но и другие авторы пишут, что Амазонки пребывали с супружниками своими чрез один токмо

16 Мы не претендовали на то, чтобы описать все проблемы, связанные с «великолепной каруселью», и те цели, которые ставила перед собой Екатерина. Отдельный вопрос – политические подтексты этого мероприятия. Осторожно выскажем предположение, что ориентация на культурные практики, принятые при дворе Марии Терезии, имела конкретный геополитический смысл. Уже в начале своего царствования Екатерина и Н. И. Панин сформулировали основную задачу внешней политики России – решить «польский вопрос» (Об этом см.: Н. Д. Чечулин: Внешняя политика России в начале царствования Екатерины II, 1762-1774, СПб., 1896, с. 106–319). Для этого необходимо было заручиться поддержкой западных «коллег». По-видимому, петербургский праздник должен был «намекнуть» Фридриху II на то, что Петербург начинает переориентироваться на союз с Веной. Рассчитываем посвятить этой теме отдельное исследование.

17 История Российская с самых древнейших времен неусыпными трудами через тридцать лет собранная и описанная Васильем Никитичем Татищевым, кн. 1, ч. 1, М., 1768, с. 111–112.

18 М. В. Ломоносов: Древняя российская история от начала российского народа до кончины великого князя Ярослава Первого или до 1054 года, СПб., 1766, с. 14.

месяц, так что родившихся потом дочерей оставляли они у себя, а сынов отдавали отцам, что и по Геродоту. Полагаю, что сие было тогда, когда уже Скитфов довольно переправилось за Волгу, называемую ими Рас, и сокращенно Ра, а Амазонки жили по Дону. Может статься, что молодые Скитфченки, пребывая с переправившимися своими отцами, а матерей не видя, спрашивали отцов, где б их матери были? Но отцы им и сказывали: ЗА-РА-МАТИ, то есть матери их живут за Волгой; от чего те дети и прозваны Зараматами, или Скитфами, имеющими своих матерей за Волгою на запад <...> Были оне подлинно не Амазоны по-Гречески, но Омужоны по-Словенски, то есть были оне жены мужественные <...>.¹⁹

Для каждого из них «скифская», «сарматская», «амазонская» темы не были частностями. Они полемизировали с Г. З. Байером. Признать вслед за ним, что варяги – скандинавы по происхождению, Татищев, Ломоносов и Тредиаковский не могли. Споры о «норманнской теории» из научной сферы сразу перешли в политическую.²⁰

В центре смысловой конструкции «Великолепной карусели» – та же тема величия и древности русской цивилизации: «Кадрилия Славенская представляла древность своего народа, всегда храбро воюющего и изобилие тех богатств, <которые> Север раздает в другие части света». Особо отмечается богатство России: «<...> сверх чаяния все зрители увидели проливающуюся гору богатства и изобилия в драгоценных камнях и всякого рода Кавалерских и конных золотых и серебряных уборах; в древности Российских сокровищ всегда сохраняемых <...>».²¹

«Великолепная карусель» должна воспитать истинных патриотов:

<...> Сама <Екатерина II. – А. И.> присутствовать при оном восхотела, единственно для того, чтоб во время тишины и благоденствия под Ея державою, возбудить сердца действующих к приобщению сил и проворства, и дать повод любочестным, дабы не выходил из памяти у каждого дух ополчения, когда за веру, за Государя и за любовь к Отечеству, выступить на брань и собственным проворством и силами телесными подействовать нужда иногда востребует.²²

19 В. К. Тредиаковский: Три рассуждения о трех главнейших древностях российских, СПб., 1773, с. 40, 42.

20 Об этом см., напр.: С. М. Соловьев: Писатели русской истории XVIII века // С. М. Соловьев: Сочинения. В 18 кн. Кн. XVI. Работы разных лет, М.: Мысль, 1995, с. 227; М. А. Алпатов: Русская историческая мысль и Западная Европа (XVIII – первая половина XIX в.), М.: Наука, 1985, с. 14–19; М. Б. Свердлов: М. В. Ломоносов и становление исторической науки в России, СПб.: Нестор-История, 2011, с. 392–393.

21 «Описание порядка, которым Карусель происходил в Санктпетербурге при присутствии Ея Императорского Величества 1766 года Июня 16 дня» // Прибавление к № 51 Санктпетербургских ведомостей, во вторник июня 27 дня 1766 года, с. 1.

22 Там же, с. 9. Ср.: «<...> все зрители забыв представляющееся глазам их столь приятное и великолепное увеселение, вошли не чувствительно в разбор подробный прямых действий; а потому и находим истинную пользу, для которой благородность духа учредила в древние времена сию военную и поединочную школу. Таким то нечувствительным образом премудрые Государи вводят неприметно